

утопии также пытаются прогнозировать развитие человечества и ставят перед собой цель предупредить людей о возможных опасностях. Антиутопии становятся средством для выражения авторами их опасений, а также общественных настроений.

Литература

1. Глуховский, Д. Будущее / Д. Глуховский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=21740&p=1. – Дата доступа: 21.02.2017.
2. Исигуро, К. Не отпускай меня / К. Исигуро // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=13324&p=1. – Дата доступа: 16.02.2017.
3. Маркова, Т.Н. Жанровое поле антиутопии на рубеже XX-XXI веков / Т. Н. Маркова // Время как объект изображения и рефлексии: междунар. научн. конф. (Иркутск, 27 июня – 1 июля 2010) // Материалы – Иркутск; из-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – С.411-418.
4. Толстая, Т. Кысь / Т. Толстая // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=56602>. – Дата доступа: 11.02.2017.
5. Тузовский, И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И.Д. Тузовский. – Челябинск, 2009. – 312 с.

M.V. Barsegyan

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: m.v.barsegyan@mail.ru

Problematic and topical field of late 20th – early 21st centuries dystopia

Key words: dystopia, 21st centry, progress, future, forecasting

The article is dedicated to the analysis of peculiarities of dystopia genre development in early 21st centry. The set of problems which are touched upon in dystopias has been described on definite novels material.

М.С.Будько

Средняя школа №148 г. Минск
e-mail: melkiy@tut.by

УДК. 821.161.3

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛИФОНИЗМ РОМАНА «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»

Ключевые слова: антропонимы, ономастика, интертекст, контекстуальные связи, библейские мотивы.

Данная статья ставит целью изучение имен собственных, их соотносительность с протекстом, отсылки к интертекстуальным связям и взаимодействие имен в построении сюжета произведения.

В настоящее время накоплен значительный материал, как по общим, так и по узким вопросам литературной ономастики в рамках антропоцентрической парадигмы. В литературоведении актуальность изучения антропонимов определяется ее включенностью в круг современных исследований. Так, роль антропонимов изучают когнитивная лингвистика, литературная ономастика и теория интертекста. Поднимается вопрос о способах выражения именами разнообразных смыслов, специфике литературных омонимов и их функция в художественном тексте.

В романе Д.И. Рубиной «Почерк Леонардо» все герои повествования самодостаточны, образ каждого из них продуман до мелочей. Особое внимание автора направлено на семантическую и функциональную специфику имен собственных в произведении. Как же реализуются заявленные свойства имени, в чем они проявляются и, самое главное, что дают для понимания романа? Опираясь на антропологическую семантику и анализируя жизни героев, можно усмотреть некоторые авторские намеки и параллели в судьбах персонажей.

Для выявления и описания контекстуальных и интертекстуальных связей литературного антропонима, приведем несколько примеров: Анна - не только Праведная Анна, но и пророчица Анна, которая служила в Иерусалимском храме в те же времена, что и Симеон, в христианской традиции – мать Девы Марии, канонизированная святая. С греческого Nanna – грациозная, миловидная. Прежде, чем «стать» Анной, она была маленькой худенькой малышкой без имени. Отчаянным ребенком, жадно изучающим зеркала. И лишь после появления в семье Машуты и доктора, девочка впервые в романе приобретает персонификацию – становится Нютой. Позже, после полного осознания своего «дара»: умения уходить в зеркалье, писать оборотнем, предсказывать смерть окружающих, Нюта становится Анной. Анна - «зеркальное имя», имя - палиндром, которое прекрасно отражает суть характера, умения и дара героини. Даже первое слово, которое должна была прочесть маленькая Нюта содержит «палиндромный» слог: буб-лик. Анна видит себя в зеркале слева направо, пишет оборотнем, иначе называемым «почерком Леонардо».

В тексте же не раз фигурирует разноплановость мнений о природе Анны. Элизер обращается к ней в большинстве случаев либо «свет мой зеркальце» либо «ангел Ньюта»:

«Вдруг навалится, ангел мой, Ньюта, шершавая сука-ска... Вот, таблетками ее и гоню»; [2, с.142]
...А хочешь, свет мой, зеркальце, расскажу тебе грустную историю поруганной любви? [2, с.25]

Владимир же уверяет, что Семен считал Анну никем иным, как ангелом:

Слышали бы вы его рассуждения!.. Удавиться было впору. Например, он уверял, что она – ангел. Смешно, конечно? Не в том смысле, что типа как с неба ангел, а, мол, природа ее родственна неким существам, которые в народном сознании фигурируют как ангелы-архангелы всякие... [2, с.276]

Часть персонажей сторонятся Ньюты из-за ее «дара» предсказывать смерть. Часть считают ее весьма странной, поскольку она часами способна глядеть в зеркала:

И если осторожно поставить это зеркало на обувную тумбу в прихожей, точнехонько против другого, «генеральского», в резной черной раме, и медленно вплыть в глубокое, колеблемое тугими струями пространство между ними, открываются два входа в бесконечные зеркальные коридоры... Ньюта научилась скрывать эту игру, потому что Ма очень плохо относится к зеркалам, неохотно в них смотрится и даже, кажется, немножко боится, что очень глупо. [2, с.54]

В романе неоднократно всплывает не только способность Анны предвидеть с открытыми глазами смерть людей, способность ментально теряться в бесконечном лабиринте зеркал, автор Рубина также описывает глаза Анны как морскую пучину:

Христина, ну... хватит, – наконец попросила девочка. Лицо ее осунулось, глаза потемнели, пот бусинами высыпал над верхней губой. [2, с.56]

А глаза невероятные, морские – зеленая просинь, – цепляли они тебя поверх смеха так повзрослому, словно дознаться хотели: ты откуда? ты кто? [2, с.65]

Глаза – переливистые, как в быстром ручье в солнечный день... [2, с.69]

Такого рода глаза, как известно, – характерная черта различного рода inferнальных существ: русалок, духов и пр.

Приемная мать Анны – Машута, Мария. Имя Мария является транслитерацией древнееврейского имени Miriam (Мириам), в переводе – "горечь". Наиболее известной его обладательницей была Пресвятая Дева Мария, мать Иисуса Христа. Героиня испытала горечь бытия: *«ровно год назад у них после многолетних медицинских мытарств родился крупный, красивый мертвый мальчик»*. [2, с.16].

Машута и Толя теряют ребенка, берут опеку над Ньютой, которая, превратившись в Анну, разрушит разум приемной матери. Ей будет суждено потерять и дочь, не физически, но душевно: *«Это не Ньюта, это ее проклятое отражение! Она и Ньюту уничтожила, сожрала, теперь за мной пришла!»* [2, с. 288].

Машута – учитель музыки, что немаловажно. Характер творческого человека красной нитью проходит по сюжету произведения автора. В жизни Ньюты сплошь и рядом музыканты, циркачи, художники... Музыкальные люди на протяжении всей жизни будут окружать маленькую Ньюту и взрослому Анну. Фаготист Семен, (Сеня устами Анны, Саймон – в американской интерпретации, Сенчис – ласковое и любимое дедовское обращение, Семен Александрович – в музыкальных кругах: *«Мое имя Профессор произносит на здешний лад, и мне это даже нравится, есть нечто аристократическое в этом „Саймон“*. Не то что плебейское „Сеня“, которое всю жизнь сопровождает меня дурашливой припрыжкой». [2, с.33].

Само по себе имя Семён – русскоязычная форма древнеиудейского имени Симеон (Шимон), имеющего значение «слушающий», «услышанный Богом».

Спустя время героиня обретет «зеркальное имя» и станет Анной лишь тогда, когда раскроет свой дар целиком и полностью. И в этом ей поможет простая нянька Христина. Очередной яркий персонаж; антропологическая семантика неизбежно отсылает читающего к Библии. Христина проста, не стесняется в выражениях, но всю жизнь останется верна Ньюте и ее семье. Хотя изначально ее методы и выражения кажутся настораживающими, маленькая Ньюта, принимает ее как воспитателя: *«Значить, не трамвироваты вас, Анна Анатольевна... – И вдруг говорит другим голосом: – Йды-но сюды, уёбище!»* [2, с.50], однако, несмотря на просторечия и «варварские методы воспитания», Христина желает Ньюте добра. Уже в их странных играх, читающий отмечает упрямство и настойчивость маленькой девочки. Она беспощадна к себе и проявляет неподдельное любопытство к миру: *«Папа однажды объяснял, как человека режут и зашивают, а потом вытягивают нитки. Три куклы были зарезаны и выпотрошены Ньютой после его увлекательного рассказа»* [2, с.53]; *«Однако... если никчемная правая рука станет такой же умницей и проворницей, как левая, вот будет здорово кидать сразу пять мячиков, как тот жонглер в шапиту!»* [2, с.56]

Если Христина воплощает собой бытовое воспитание, то Элизер – умственное. Сам Элизер – истинный учитель и друг Анны, первый человек не побоявшийся ее дара. Имя из Танаха (Элизер – раб Авраама). "Эли" означает "мой Бог", "эзер" – "помощь". Имя Элизер можно перевести как "мой Бог – помощь". Станный физик, способный с ювелирным мастерством вытачивать зеркаль-

ную амальгаму: «После школы Нюта иногда приходила посидеть у него в подсобке, во все глаза наблюдая, как его пухлые, но точные руки наносят амальгаму на стекло, режут по формату, готовят подкладки на «спину» – чтобы зеркало не билось». [2, с.142]

Из приведенного контекста видно, что автор отсылает читателя к пратексту, используя в качестве имен собственных библейские имена. Очевидно, библионимы занимают очень сильные позиции в когнитивной базе носителей культуры, к которым, безусловно, относится автор текста «Почерк Леонардо» Д.И. Рубина.

Во взрослой «зеркально-цирковой жизни» Анна станет женой Владимира. Имя собственное Владимир включает в себя два корня: "влад" (владеть, власть) и "мир" (мирный, мир). Владимир – "владеющий миром", "властелин мира". Он примет дар Нюты как таковой. Будет оберегать ее богатый внутренний и необычный мир, пока та не решится уйти от мужа к другому. И тогда он в ревности и ярости набросится на хрупкую девушку, и ударами разрушит часть ее зеркального мира. Анна тонка с самого детства, подобно зеркалу. Она не может вступать в драку: «Так она узнала, что ей нельзя на человека руку поднимать. Что рушатся какие-то зеркала в залобной части. Разлетаются в осколки... И очень медленно восстанавливаются». [2, с.270] Позже Владимир поймет, что больше не имеет власти над «зеркалами Нюты».

Таким образом, сопряженные антропонимы романа Д.И. Рубиной «Почерк Леонардо» организуют целостную систему семантического поля, относящегося к типу «Божественного»: Анна (пророчица), Мария (Богоматерь), Семен (Услышанный Богом), Элизер (помощь от Бога).

Приведенные антропонимы проецируются на личность читателя и ментальную модель произведения, которая является творческим индивидуальным переосмыслением художественного мира текста.

В заключении отметим, что антропонимическое пространство произведения насыщено и многообразно, не содержит случайных имен собственных и сопряжено с контекстом. Здесь же имя обладает функционально-эстетической ценностью и его подбор в произведении «Почерк Леонардо» – целенаправленный процесс, служащий воплощению авторского замысла.

Литература

1. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург / Н. А. Кузьмина. – Омск, 1999. – 124 с.
2. Рубина, Д.И. Почерк Леонардо / Д. И. Рубина. – М.: Эксмо, 2014. – 345 с.

M.S. Budko

Minsk Secondary school №148

e-mail: melkiy@tut.by

Anthropological Polyphony in the Dina Rubina's Novel Leonardo's Scribble

Key words: anthroponyms, onomastics, intertext, contextual connections, biblical motifs

This article deals with study the proper names, their correlation with the pretext, references to intertextual relations and the interaction of names in the construction of the plot of the work.

Е.Н. Букотина-Исупова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: zvezdaplenitelna@mail.ru

УДК 821.161.1-344:94(470-25)

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МОСКВЫ В РАССКАЗЕ «ПЕТУШОК» АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Ключевые слова: мифопоэтика, автобиографическое пространство, мотив юродства, народный вариант православия, символический подтекст.

В статье раскрываются приемы мифопоэтизации образа Москвы в прозе Алексея Ремизова на примере рассказа "Петушок", такие как индивидуально-авторская семиотизация географического и исторического пространств, актуализация мифа о Китеж-граде, создание народно-православного мотивно-образного комплекса.

До эмиграции писатель Алексей Ремизов успел увидеть, как глубоко православная, проникнутая старинной народной культурой Москва, его родной город, была «изуродована» революционным переворотом. Ведь Москва, в которой живут герои Ремизова, – не столько исторический Третий Рим, носитель религиозно-политической, мессианской роли преемника величия Римской империи, а православный, мифологический, почти сказочный Китеж-град, в котором творятся чудеса, живут «божьи люди» и юродивые, а православные святые и небесная Троица существуют не